

Ф. Х. Масловский

УССУРИЙСКИЙ ФАЗАН

На добрую память учите-
лю и гражданину Почет-
нейшей средней школы
Дарин на память о Федоре Ка-
питановиче и его книне.

Июль 2008г.

Фёдор Харитонович
МАСЛОВСКИЙ

УССУРИЙСКИЙ ФАЗАН

рассказы

«Красная Власть»

Комсомольск-на-Амуре

1998

ББК 84Р7
М31

Фёдор Харитонович Масловский

УССУРИЙСКИЙ ФАЗАН

*Рисунки Ф. Х. Масловского,
Максима Масловского, Наташи Масловской*

Масловский Ф. Х.

Уссурийский фазан: Рассказы; Для детей младшего и среднего школьного
возраста – Комсомольск-на-Амуре: «Красная Власть», 1998. – 64 с.: ил.

Познавательные рассказы известного дальневосточного натуралиста.

© Издательство «Красная Власть», 1998

ISBN 5-279-00611-6.

В НАЧАЛЕ МАЯ

Позавтракав, я с Рексом отправился в окрестности посёлка Агние-Афанасьевска, и, рассекая густо поросший молодой лиственничный лес, зимник повёл меня по-над сопкой. По времени необычно тепло, а в лесу снег лежит ещё толстым слоем. На солнце блестит, словно его покрыли лаком. Рекс бежит по снегу, как по асфальту.

Я решил проверить прочность наста, шагнул раз, другой, и моя нога провалилась выше колена. Вытащил ногу, а там снежная кашица, и водою плюхнуло.

— Надо, надо напоить земельку, осень-то сухая была, даже пожары возникали. — Тут же вспомнил пословицу: «Много снега — много хлеба». Конечно, так-то оно так, но это у хлеборобов, а у нас — таёжных северян — хлеб не сеют. И припомнилась народная мудрость: «Снегу надуёт — хлеба прибудет, вода разольется — сена наберётся». Я бы эту мудрость перефразировал на наш лад так: «Снегу надуёт — в природе прибудет, вода разольется — рыба наберется».

Иду дальше, с дороги уже не сворачиваю. Снежная вода местами переливает зимник, и, собираясь в большие ручьи, отправляется в горную реку Пильду. «Нынче Пильда, наверняка, порадует рыбаков, — рассуждаю, — в посёлке самый лучший специалист по ловле хариусов и ленков Вишневский Иван Владимирович. Он за день на удочку, бывало, вылавливал до ста хвостов. Нынешней весной, уверен, превзойдёт и этот рекорд».

Иду медленно. Да по такой дороге быстро и не зашагаешь. Вся в рыжих, обветшалых кочках. Видно, не раз гусеницы трактора жевали их. На них и трава не растет. Ноги то путаются в подёрнутом маревом багульнике, то тонут в моховом настиле.

Делая крюк у южного склона сопки, я решил отведать майской брусники и поднялся на открытый склон. И что ж – отведал, хранящийся в помятых чехольчиках, кисло-сладкий, цвета крови, сок. Здесь же увидел бабочку.

– Ну-ну, посмотрим, кто нынче открывает лето?

Бабочка прильнула к бугорку и сразу расправила крылья – греется. По кирпично-красному цвету крыльев, с черным пятнышком и тёмной каймой, украшенной голубым бисером, я сразу узнал крапивницу.

Такая красивая бабочка – и крапивница? А почему? Гусеница этой бабочки живёт на крапиве и лакомится листвой. По ней сразу можно догадаться, что в этих местах растет крапива.

Бабочка вспорхнула и тут же села. И села не как попало, а спинкой к солнцу, чтобы солнечные лучи своё тепло отдали бархатным коврикам. Проснулась. И снег не страшит. Рекс вспугнул её, и она улетела.

А вот и вторая, с двумя голубыми глазками, павлиноглазка. Тоже вестница лета. Зашёл в лесную просеку, а там траурница порхает. Траурница! Иначе и не назовешь. Платье всё черное, в настоящем трауре, и чтобы хоть как-нибудь привлечь к себе внимание – оторочила его бледно-жёлтой лентой.

Всем известно, что бабочки выходят из куколок весной и летом, а эти весны не ждут и из куколок выходят осенью. Переживав в расселинах, под корой и в дуплах, с наступлением плюсовых температур выпархивают и несут, несут на своих нежных крылышках лето-молодость.

На восточном склоне сопки, у самой дороги, среди полуметрового снега торчит черный бугорок – муравейник.

– Как там мои любимцы? Подойдём, посмотрим, – и свернул с дороги. С пригретой стороны кишат рыжие лесные муравьи. Иные карабкаются по сыпучему снегу. Необычно – снег и бабочки, снег и муравьи.

Муравьи вывалили всей семьей. На вершине холмика сдела-

ли ровную площадку и в два-три слоя своими телами закрыли её. Всем хочется солнечные ванны принять. Смелые охотники отправились по снегу за добычей. Отбежали на метр и – обратно. Ножки мерзнут, сами коченеют, куда уж там до добычи, хотя бы ноги унести.

– Не спешите. Наберитесь терпения, – сказал им, позвал Рекса и зашагал домой.

СИРЕНЕВЫЕ СОПКИ

Прожил я первую зиму в Агние-Афанасьевске и от старожилов услышал: «Скоро увидите, как наши сопки зацветут. Вот красота будет!»

Но яркие наряды весна-волшебница сопкам не спешила дарить. Весь апрель медленно меняла белый цвет на коричневый. И лишь в начале мая стала осторожно подкрашивать нежным тоном зелени.

В посёлке торжественно отметили Первомай и стали готовиться к Дню Победы. На столах, в стеклянных банках, появились сиреневые цветы багульника.

— Где же ваша красота? — спрашиваю я.

— Подождите, считанные дни остались.

И чтобы увидеть обещанную красоту, я день ото дня стал поджидать. Днём как-то не замечаешь обновлений в природе. Сегодня, кажется, всё так, как было вчера и неделю тому назад.

Прошло два пасмурных, отпаривающих землю дня. Могучее солнце выглянуло из-за сопки и осветило горный посёлок. Его ласковые лучи заглянули в окно. Я вышел на улицу.

— Ух ты! — По гребню сопки, пронизанные лучами солнца, пламенеют сиреневые шары. Посмотрел на другую сопку — там весь южный склон усыпан букетами сиреневых цветов.

Делаю медленный глубокий вдох. Вдыхаю, вдыхаю. Уже предел лёгкого, а самому ещё и ещё хочется добавить воздуха и, кажется, что полного вдоха так и не получилось. Настолько чист и приятен весенний воздух — воздух сотен разных запахов. Я тут же решил пройтись на сопку и отведать запах цветов багульника. Вдруг вижу: торопится Жигайлова Рая.

— Куда спешим?! — кричу ей.

— Самолёт вылетел!

— А цветы? Родных встречаете?

— Лётчикам за воскресную почту.

Мне сразу представилось: набрав высоту, пилоты поглядывают на сиреневый букет и негромко поют:

«...Где-то багульник на сопках цветёт,

Кедры вонзаются в небо...»

ГОРИХВОСТКА

Люблю село, особенно летом. Стоило приехать к родным, как посыпались новости:

– У нас какая-то птичка свила гнездо в сарайке, и уже большие птенчики, – сообщил свояк.

– И у меня в сарайке на полочке живёт птичка. С осени оставила старенький веник, так она на нем устроила гнездо. Дверь в сарайку так и держу открытой. И кошки не боится, – сказала теща.

– А у нас гнездо в консервной банке! – козырнула свояченица.

– Как в банке?

– Приходи, посмотришь. Я наблюдала, как птичка кормит птенчиков. И, знаешь, прилетит, даст корм и сидит, чего-то ждет. Потом птеник с помощью отрыжки выбросит белый комочек. Она его возьмёт и улетит.

– Такого не может быть, – возразил я, – приняв пищу, сразу возвращает.

– Возвращает! Я не одна такое видела! – заспорила свояченица.

Я усомнился: может, больной какой из них, что пищу не принимает? И утром поспешил раскрыть загадку. На помощь взял бинокль.

Самодельный старенький шкафчик, без дверок, висит на метровой высоте от земли у окна летней кухни. Верхнюю полочку шкафчика занял закопченный чайник. Рядом литровая ржавая банка. На банке гнездо из картофельной ботвы, травы, перьев, волоса. В гнезде пять темно-бурых, со светлыми пестринками, птенцов. Отошёл немного. Выбрал удобную позицию. Навёл бинокль на резкость, и стал родителей поджидать.

«Цинь-цинь, цок-цок-цок», – прорезало ухо. Птенцы зашевелились и сразу открыли большие, цвета охры, рты.

– Значит, кто-то из родителей появился, – насторожился я. – Ишь ты! Не просят громко: «Дай мне!» Выходит, у них действует инстинкт самосохранения.

А вот и самец горихвостки. Весь в ярких красках. Осмотрелся, приближается к гнезду осторожно, сигналист: «Цинь-цинь!

Цок-цок-цок! Цинь-цинь! Цок-цок-цок!» У самого в клюве белый червяк. Убедился, что опасности нет, подлетел к гнезду. Отдал корм и беспокойно чего-то ждет. Вдруг один птенец зашевелился и, задрав хвост, озарил охристым подхвостьем. От него отделился белый комочек. Родитель взял его и полетел.

Так вон оно что! Охристая окраска открытого рта и подхвостья ввела в заблуждение невнимательного наблюдателя.

Всё в порядке. Больных нет. Загадка отгадана. Бинокль пошёл по рукам. Родители продолжали нести белых червей и с каждым разом уносили помёт.

Стемнело. Гнездо осветили фонариком. Птенцы ночевали с матерью. Отца не было.

На другой день горихвостки по-прежнему исполняли свой родительский долг.

КАК ГОРИХВОСТКА ПРОУЧИЛА КУКУШКУ

Иду с внуком на дачу. Максимка мне и говорит:

— Деда, когда идёшь и внимательно смотришь, то обязательно что-нибудь интересное увидишь.

— Правильно. А вон и бабочка-павлиноглазка. Красива?

— Очень.

— Обрати внимание на бархатные крылышки. Расправила, не шевелит ими, греется.

— Давай постоим, посмотрим на неё, — просит Максимка.

— Может, поймает?

— Не надо. Пусть живёт.

— Согласен. Она ведь украшает природу.

— Деда! — встрепнулся внук. — Смотри, что с птицей делается! — и указал рукой.

— Это обыкновенная кукушка-пеструшка. Вот это да! Смотри. У неё на спине какая-то птичка сидит! — удивился я.

— И в спину клюет.

— Перо, перо полетело! Видишь?

— Ага.

Кукушка подлетела к одной сарайке и на электрический провод села. Птичка вспорхнула с её спины и поблизости села. Кукушка не трогает её. Вертит головой, видимо, принимает какое-то решение, может, и отдыхает. Кукушка взлетела, птичка — ей на спину.

— Катается, как наездница. Ей бы ещё саблю дать, — шутит внук.

Кукушка дала круг и присела на прежнее место. Птичка покинула её спину и опять рядом села.

— Максимка, ты знаешь, что это за птичка?

— Нет.

— Это горихвостка. У неё где-то в сарайке гнездо. Она любит гнездиться около человеческого жилья. Кукушка обнаружила гнездо горихвостки и решила ей подложить своё яйцо. Поэтому горихвостка и гонит её. А она — виновница, на горихвостку и не сердится. Ты знаешь, что кукушка гнёзд не вьёт?

— Читал. Горихвостка правильно делает, что кукушку долбит.

– Пусть не сует свой нос куда не следует.

Кукушка повременила, опять взлетела. Горихвостка снова укрепилась на кукушкиной спине и продолжила своё мщение. Явно решила проучить нахалку. Прокатилась метров сто, поняла, что кукушка к гнезду не возвращается, отступилась, вернулась к сарайке и нырнула под крышу.

– Я каждую весну у этой сарайки вижу горихвосток.

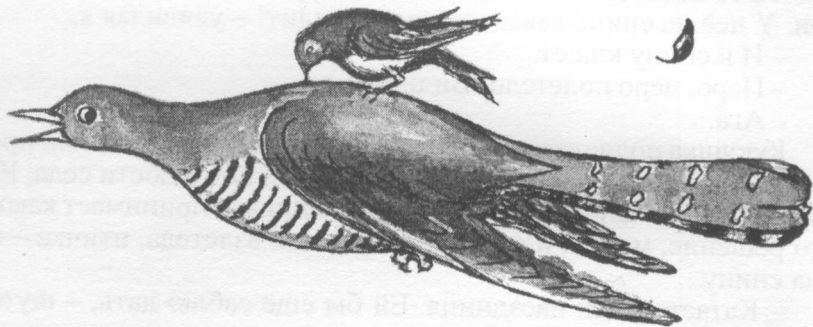
– Деда, а где вторая была в это время?

– Вторая, наверно, сидела на гнезде, грела яйца, может, малых птенчиков оберегала от кукушки.

– Молодец горихвостка, сумела за себя постоять, – сказал Максимка.

– И на удивление храбрая, – говорю я.

Мы похвалили горихвостку и продолжили путь.

ВОРОНЫ

С приездом в Агние-Афанасьевск я увидел много ворон. Осенью и зимой они были привычны, как и воробьи. На них как-то не обращал внимания. Лишь при встрече иногда вспоминал: «Бывало, плывём с другом на лодке. Николай увидит ворону и сымитирует «кар». Ворона тут же ответит своим «кар», снимется с ветки и улетит. Кроме «кар», я других голосов от ворон никогда не слышал, и у меня создалось впечатление: вороны могут только каркать, и что они вообще бездарные птицы».

Как-то мартовским днём иду по посёлку и слышу с высоты звук: «Кы-ы-ык!» Глядь, а ворона делает мертвую петлю и кыкает снова.

— Вот это ворона! — ахнул я. Выполнила акробатический трюк, да ещё произнесла новый для меня звук. Остановился и думаю: — Этим звуком она, вероятно, хотела к себе привлечь моё внимание. «Смотрите, мол, на что я способна!» И пришлось посмотреть.

Постоял и пошёл дальше. Иду, на ворону поглядываю, а она поднимается всё выше и выше.

— Опять, — думаю, — решила повторить свой трюк.

Остановился. Ворона не заставила меня долго ждать. Только на этот раз сделала винтообразный вираж.

— Не думал, что на такое ты способна, — говорю в её адрес. — Опровергаешь свою бездарность. Молодец! Рад за тебя!

Пришло большое потепление. Вороны оживились. Замельтешили. Где бы ни шёл, куда бы ни посмотрел — обязательно увижу ворон. И вспомнил: «У меня ведь для них есть лакомая пища. Пусть позавтракают». С вечера на помойку положил вороний завтрак и до восхода солнца вышел на улицу. Ещё не зажглась зорька, как из-за восточной сопки (летают туда на ночлег) широким фронтом вороны полетели в посёлок. Летят по выбранным маршрутам, торопятся. Одна свернула и в мою сторону. Летит невысоко, плавно, голова вертится: то одним глазом посмотрит вниз, то — другим. Пролетела над помойкой и на столбик села. Приспустила хвост, голову, крылья подняла, затрясла ими и прокричала: «Ка-а-а! Ка-а-а!»

– Ишь ты! Зовёт, да ещё и в ладоши хлопает, – говорю вслух. Подлетели вороны, на забор сели. Заметив съестное, одна ворона слетела к нему и стала клевать. За ней – вторая, третья и уже образовалась толкучка. Вдруг две вороны, что куры, разодрались. Другие их стали в спины клевать. Драчуны не унимались. Большая ворона встала между ними, крыльями замахала, и драчуны разошлись. Восстановился мир. Вороны склевывали лакомую пищу и разлетелись.

Однажды слышу в посёлке: «Кря-кря! Кря-кря!» – «Неужели на улицу уже уток выпустили?» – подумал я и спросил: «Скажите, пожалуйста, кто здесь уток держит?»

– Уток в посёлке вообще нет, – ответила женщина.

Осмотрелся – на деревьях сидели вороны.

В апреле вороны оживились, парами стали летать. Играют в полёте, перекликаются:

– Ка-ка-ка! – мягко кричит самочка.

– Как! Как! Как! – громко кричит самец.

– Кра-кра-кра! – отозвалась подруга.

– Цок-цок-цок! – позвал её друг.

В мае вышел на лесную дорогу и услышал барабанную дробь. Я поспешил увидеть дятла. Не успел сделать и двух шагов, как с той же стороны донеслось: «Вава! Вава!»

– Уж не болен ли кто, может, Айболита надо звать? – и ускорил шаг. Слышу: «Ка-ка-ка! Вава! Вава! Кук-кук! Куку!» И следом – «кар». Вижу: взлетает ворона.

Достал блокнот, записываю и сожалею, что проявил неосторожность. Мог бы, наверняка, от этой певунии услышать и другие голоса.

ПРЕДСКАЗЫВАЛА ПОГОДУ

Мартовским днём я возвращался из бани. Зашёл на мостик ключа Бори. Гляжу: ворона стоит в воде и клювом гладит спину.

— Моется, — подумал я. — Наверное, и у неё сегодня банный день. Интересно. Надо посмотреть.

Ворона погладила спину, присев, смочила брюшко, привстала, встряхнулась, взлетела на ледяной берег. И о ноздрястый весенний лёд стала тереться грудкой, шеей и даже головой. Да так потешно.

Я улыбнулся.

— Впервые вижу, чтоб ворона мылась. К чему бы?

Завтрашний день оказался ненастным.

Мылась, как видно, не зря — к ненастью.

ЗНАЕТ, ЧТО ДЕЛАТЬ

Мартовским утром я вышел на улицу. Гляжу: от соседнего двора перья летят. «Наперник вытряхивают – хлопки бы были», – подумал я, и не сдержался, полюбопытствовал.

Прошёл за угол – и наяву необычная картина: на сарайке ворона щиплет замерзшую курицу.

— Откуда знает, что перо в желудке не переваривается, а, употребив его, можно поплатиться жизнью?

Не случайно белые медведи после первого посещения птичьего базара, наевшись птиц, сильно болеют и больше не посещают таких мест.

СОЗНАТЕЛЬНО ЛИ ДЕЙСТВОВАЛ?

Воробей поднялся с земли, сел на забор, держа в лапке пуховичок*.

— Зацепился или специально поднял? — подумал я.

Воробей осмотрелся, подлетел к окну, спрятался за наличник, а пуховичка так и не выпустил.

— Случайно прилип? Освободился бы от него. Нет — взял специально. Ведь началась пора гнездовья, — рассуждаю про себя. — И как придумал здорово: в полёте пуховичок крыльям махать не мешает. А культурно-то как? Ведь кто его знает, чем он мог запачкаться? А ты его клювом бери.

Пока я был занят рассуждением, воробей таким же способом за наличник отправил второй пуховичок.

Значит, всё верно. Всё продумано, и нет случайности в том, как воробей нёс пуховичок.

* Пуховичок — мягкий и нежный волосок под перьями птиц.

ДОМАШНИЙ ВОРОБЕЙ

— Папа, на кухню воробей залетел! Что делать? — спросила Зоя.

— На окне задвинь шторы и посмотри — нет ли в доме Мурлыки, а то быстро расправится с ним.

Я зашёл на кухню. Воробей понял, что попал в западню, заметался.

— Давай выйдем, пусть успокоится.

— Я ему в блюдечке пшена дам.

— Не возражаю, только блюдце поставь на подоконник.

Я вернулся к рабочему столу, а Зоя в приоткрытую дверь стала наблюдать за воробьем.

— Папа, воробей сел на стол, подлетел к блюдцу, клюет, торопится.

— Проголодался. Закрой дверь и занимайся своим делом.

Через десять минут мы вернулись на кухню. Воробей сидел на шторке и поглядывал в окно.

— Здравствуй, воробышек!

Воробей чирикнул.

— Папа, он поздоровался с тобой. Какой смывлённый, — обрадовалась дочь.

— Был бы глупый — не залетел бы в помещение. Понимает, где можно согреться. Видишь, какой чумазый. Видно, что не одну ночь провел у печной трубы.

Я стал приближаться к воробью. Воробей перелетел на косяк входной двери.

— Осторожный, не доверяется, — сказала Зоя.

— Выбрал удобную позицию, чтобы выпорхнуть на улицу. Подкрепился, согрелся, теперь можно и на мороз.

Открывается дверь, заскакивает Мурлыка и заходит Миша. Мы смотрим на воробья.

— Что случилось? — спросил Миша.

— Глянь, — сказала Зоя.

— Сейчас залетел? Выпустить?

— Не надо, — возразила Зоя. — Пусть поживёт.

— Понравится, пусть живёт. Только надо от кота уберечь.

– Мы сейчас потолкуем с ним, – сказал Миша. – Держите кота, я поймаю воробья, – принёс одеяло, закрыл окно и снял воробья. – Открывайте.

Я с Мишей даю возможность Мурлыке обнюхать воробья, а Зоя внушает:

- Смотри, птичку не кушай, а то будем бить. Ясно?
- Можешь быть спокойна.
- Почему так думаешь?
- Потому что агрессивности не проявил.
- Бабка надвое вещала, – сказал Миша.

Через три дня, к нашему удивлению, Мурлыка с воробьем питались вместе из одной плошки. Зоя даже приятельниц зазвала посмотреть необычную дружбу кота и воробья.

- Ой! Как интересно! – воскликнула Оля.
- Домашний воробей, да и только! – удивилась Люба.
- Правильно говоришь. Домовый – это и есть домашний воробей.

Воробей у нас прожил две недели и стал докучать. Мы решили его выпустить. Миша взял воробья, вынес на улицу, подбросил. Воробей вспорхнул, крутнулся и – в сени. А когда мы стали заходить в дом, то воробей опять залетел в помещение.

На семейном совете решили: воробья в доме оставить до спада морозов.

ЗАСТАВИЛА ДУМАТЬ

Выпал снег. Ударили морозы. Птицы потянулись к жилью. Я смастерил кормушку и под шатром беседки повесил. Зоя насыпала семечек, крупы, размяла кусочек хлеба и говорит:

– Пусть кушают, кому что понравится.

– Обед из трёх блюд, – говорю я. – Думаю, что понравится всем, кто посетит птичью столовую. А сейчас давай спрячемся.

Зашли в сенцы, прислонились к дверному косяку и наблюдаем.

– Папа, как думаешь: кто первый прилетит?

– Думаю, что воробьи. Они же наши постояльцы.

– А вот и не угадал, – чуть ли не закричала Зоя. – Голубая сорока!

– Тише. Она ещё далеко. Кормушку, может, и не видит. Ну вот, без неё-то нигде не обходится.

– Про кого ты?

– Про сороку-белобоку, кого же ещё. Видишь?

– Сейчас вижу.

Белобокая расхорохорилась: затрещала, запрыгала с ветки на ветку, хвостом покачивает.

– Размахалась хвостом, – говорю Зое.

– Сердится. С голубой не желает дружить. Смотри! На яблоньку синичка села!

– Эта уже, наверняка, первая на кормушке побывает.

Синичка повертелась, пискнула, прилетела вторая.

– Сейчас не шевелись, – шепчу Зое.

– Я и так не двигаюсь, – сама сняла очки и протерла их.

Синички заговорили, запрыгали. На кормушку не летят, хотя до неё рукой подать.

Вдруг одна голову повернула в сторону беседки и слетела на кормушку. Осмотрелась, схватила кусочек хлеба – и на яблоньку. Прижала его лапкой к веточке и принялась долбить. Склевала и снова на кормушку. Вновь схватила хлеб – и опять на прежнюю веточку. Клюет, торопится.

– Пап, почему вторая не летит на кормушку?

– Несмелая, а может, и не голодная.

Синичка унесла третий кусочек и так же спешно расправляется с ним.

— Зоя, ты заметила?

— Что?

— Что синичка все кусочки хлеба прижимает к веточке правой лапкой.

— Неужели! И ты это заметил?

— Точно. А ты знаешь, о чем я сейчас думаю?

— О чем?

— Думаю: синичка случайно придерживает кусочки хлеба правой лапкой, или это действует природный инстинкт? Вот загадка!

— Человек тоже работает больше правой рукой. — Зоя помолчала и добавила: — Наверно, инстинкт. Может, всё живое на земле работает больше правыми конечностями? Кто знает?

— Думаю, что этой проблемой ещё ни один ученый мира не занимался.

Три кусочка хлеба синичка, вероятно, наполнила свой зобик и вспорхнула. Вторая — за ней, так и не попробовала нашего угощения.

УССУРИЙСКИЙ ФАЗАН

Приехал я в село Полётное. Принял школу и сразу же приступил к созданию школьно-сельского краеведческого музея. Организовал кружок по изготовлению чучел, и в нашем музее появились редкие экспонаты: серый волк, белогрудый медведь, полярная сова, ворон с белым пёрышком на груди. А вот фазана у нас не было, так как на его отстрел требовалась лицензия.

Заполучив такой документ, я решил самолично реализовать его. Идёт уже второй сезон охоты, а я ещё не отстрелял золотисто-оранжевой птицы с красными щёчками и сине-зелёной шеей, которую опоясал белый шарфик.

Однажды, в середине зимы, я был на охоте. Вижу: фазан бежит к остожью*.

Сердце взволновалось, мысли взыграли: этот, наверняка, будет стоять в музее.

Фазан добежал до остожья и скрылся. Я, не спуская глаз с остожья, с ружьём наизготовку, иду к остожью и думаю: «Сейчас взлетит». Но, увы! Я уже топчусь по засыпанному снегом веткам, остаткам сена, а фазан не взлетает. Остановился и думаю: «Куда он исчез?... Уж не придавил ли его?..» Постоял минут пять и уже собрался уходить, вдруг вижу: в десяти метрах от меня из-под снега высунулась голова фазана. «Вот это да! Вот это мудрец!» Пока я восхищался, фазан, удаляясь, выглянул ещё два раза. «Такой должен жить», — решил я, разрядил ружьё и пошёл домой.

Наступил октябрь. За фазаном я отправился на соевые поля и сразу добыл птицу.

А когда мы занялись изготовлением чучела, я попросил ребят вскрыть зоб и посмотреть, чем питается фазан?

— Фёдор Харитонович, смотрите, в зобу мышонок! — вскрикнул Коля.

Мы окружили Колю, внимательно осмотрели содержимое зоба. И что же? Кроме мышонка, в зобу были только зерна сои.

* Остожье — основание стога после убранных сена.

– А я думал, что фазан зерноядная птица, – сказал Лёня.

– Я тоже так думал. Он же как наша курица, – согласился с ним Коля.

– Ребята, много думать не будем. Сейчас обратимся к «Атласу охотничьих и промысловых птиц СССР». Миша, сбегай домой и принеси эту книгу.

...Читаем:

– Нетребователен и до известной степени всеяден. Летом пища фазана состоит в основном из насекомых и зелёных частей растений. Неразборчив, ловит кобылок, цикадок, жуков, муравьев, гусениц, мокриц, пауков, даже полёвок, ящериц и змей.

– Вот это фазан! – удивились ребята. – Теперь будем знать, что фазан всеяден.

На другой день отдел природы нашего музея украсил новый экспонат – чучело уссурийского фазана.

НЕОБЫЧНЫЕ КАРТИНКИ ПРИРОДЫ

Утром вышел на улицу, с соседкой поздоровался. Она мне и говорит: «Харитоныч, с гнилого угла потянуло, осадков жди».

Я посмотрел в сторону горного распадка – его заполонила серая мгла. Вскоре посёлок покрылся белесым мраком и стало тихо-тихо. Лишь, нарушая тишину, яснее стало слышно, как постукивает сердце поселка – электростанция.

Немного погодя пошёл пушистый снег.

– С таким снегом без чудес не обойтись, – подумал я и пошёл в школу.

Веду урок, а сам посматриваю в окно. Со второго этажа хорошо видна сопка. Её тёмный лиственный лес мигом побелел и приковал к себе мой взгляд так, что смотрел бы и смотрел на необычный пейзаж.

На перемене вышел в коридор – и сразу к окну.

– Ребята, а ну, угадайте: на что ольха стала похожа?

Второклассники зачирикали, и всё невпопад. Подошёл пятиклассник Козыренко Сережа.

– Помоги малышам угадать, на что кусты ольхи похожи.

– На хлопок, – сразу сказал Сережа. – Это когда он коробочки распустит.

– Видел, как растёт?

– Нет. На картинке видел.

– Молодец. Спасибо тебе.

Отвёл уроки и отправился на обед. Вышел из помещения, а там по штaketной изгороди выстроились снежные одуванчики. Я фукнул на один, – и полетели парашютики. Мне понравилось. Фукаю на второй, третий... и так увлекся вдохом-выдохом, что почувствовал снежный вкус воздуха.

Надоело детское занятие – пошёл дальше. На дороге снегу по колено, а я шагаю без напряжения. Ноги сами рвутся вперед. Около Кожановых взглянул на старый раскидистый тополь и увидел на нём снежного аиста. Я сразу подумал: «Какой же сюрприз преподнесёт мне соседская ёлочка?» – и поспешил домой.

Подхожу – и не надо фантазировать: на отяжелевших её ветках поселилось целое семейство белых осьминогов.

Только подошёл к своему двору, как сразу вообразил: огромная мохнатая гусеница вползла на поленницу и пожирает дрова.

После обеда отправился в магазин. Вышел на дорогу, а там, у радиорепродуктора, на проводах вороны сидят, и радио поёт:

– Потолок ледяной,

Дверь скрипучая...

Я остановился и думаю: «Случайность, или по-настоящему увлечены музыкой?»

Вышел из магазина, глядь: летят снежные хлопья, и летят не на землю, а ввысь. Невероятно. Фу ты! Да это же стайка пуночек. Птицы набирают высоту и обнажают белое брюшко и подкрылье.

Перед сном воспроизвёл необычные картинки и записал.

Утром вышел на улицу и ощутил богатырское дыхание севера. Я к поленнице – гусеницы нет, осьминогов тоже не оказалось, аиста сдуло, одуванчики разлетелись. Обидно стало: не успел ребятам показать необычные картинки природы.

НАПРОКАЗНИЧАЛ

Полкуев Константин Михайлович попросил меня помочь съездить за сеном. Я согласился, и мы поехали.

Едем в хорошем настроении. За разговором время быстро идёт, да и расстояние, кажется, сокращается. «Ещё минута, и сено в наших руках», – шутил Константин Михайлович. Въехали на поляну.

– Как так? Где сено? – удивился Константин Михайлович и остановил трактор. – Не понимаю. Увезли, что ли? Так след бы был?

– А не мог ли медведь шутку устроить? – наугад сказал я.

– Всё может быть. Шатун непредсказуем.

Подъехали ближе. Остановились. Сено разбросано. В одном месте оно сложено аккуратным бугорком.

– Константин Михайлович, не под тем ли бугорком проказник спит? Жми на него. Придавим – мясо будет.

Трактор ринулся на холмик. Остановился. Прислушались. Медвежьего рёва не слышно. Константин Михайлович крутнул машину и приглушил мотор. И на этот раз «сигналов бедствия» не слышно. Спрыгнули.

– Точно, работа Михаила Ивановича.

– Ого-го – какие следы!

– Землю даже рыхлил. Видать, мышей искал.

– Не лень же было заниматься пустым делом.

– Голод не тётка.

– Что ж, Фёдор Харитонович, едем за вилами да будем сено собирать.

ШИШКОВАНИЕ

Октябрьским днём я с другом отправился за кедровыми орешками. Поднялись на сопку и, как на ладони, увидели: своё село Полётное, соевые поля, старицу речки Кии, озеро, где водятся золотистые караси. Полюбовались и дальше пошли.

Перевалили хребет сопки, и перед нами, сплошной стеной, встал темно-зелёный кедр. Ещё не успели подойти к деревьям, вытаращили глаза на вершину ближнего кедра.

– Что-то не видно шишек, – удивился я.

– Кто-то говорил, что на орехи неурожайный год, – сказал друг.

– Э-э-э! Да тут кто-то безобразничал!

– Точно.

Под деревом, со свежим изломом в руку толщиной, лежала вершина кедра. Вокруг дерева валялся лапник с ошелушенными шишками.

– Не Мишутка ли занимался сбором орехов?

– Похоже. Смотри: на дереве следы когтей оставил.

Я поднял одну, другую шишку – они были помяты и пусты. Мы подивились шишкованию медведя и пошли дальше.

ЛАКОМКА

Лесник – Николай Рубанцов пригласил меня прогуляться в лес. «А заодно, – сказал он, – и посмотрим на урожай кедровых орехов». Я согласился. Выбрав погожий день, мы с восходом солнца отправились в лес. Поднялись на сопку. Посмотрели на сёла: наше – Полётное, соседнее – Петровичи, и полюбовались простором киинской долины.

Прошлись по восточному склону сопки, позадирали головы на вершины тёмно-зелёного кедрача. Сделали оценку урожая и стали выходить из таёжной глуши.

– Смотри! Медведь! – с опаской сказал Николай.

– Где?

– На дереве... Тихо... Похоже, тис ломает.

Белогрудый, увлекшись своим делом, не заметил нас. Мы присели. Медведь ломает ветки и спускает вниз. Падающий лапник задерживается на устойчивой ветке. Образовался массивный навал. Ветка не выдержала – сломалась, и вся свалка с шумом рухнула на землю. Медведь посмотрел вниз и, придерживаясь за оголённый ствол остроконечного тиса, мешком спустился на землю.

Хозяйской походкой прошёлся вокруг дерева, захватил в охапку кучу лапника, отошёл в сторонку – бросил. После чего, на месте лежавших веток, принялся что-то сгребать. Нагрёб кучку, присел, содержимое захватил передними лапами, как в пригоршню, и стал, шевеля губами, что-то съедобное выбирать.

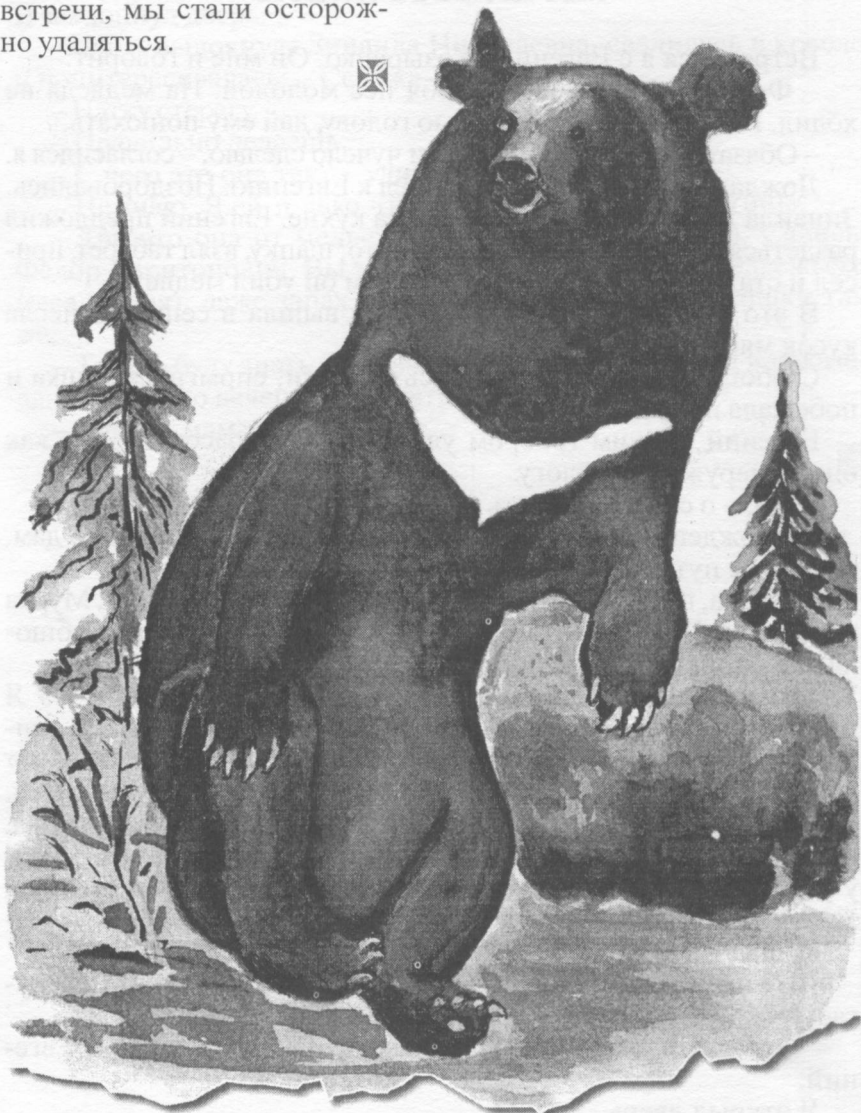
– Что он ест? – спросил я.

– Ягоды тиса. Они в августе созревают и становятся сладкими. Он ими и лакомится.

Минут через пять медведь привстал на задние лапы, огляделся и пошёл к зарослям кустарника. Я почувствовал: мои руки стали крепче держать ружьё. Ничего удивительного. Так можно встретиться носом к носу с хозяином тайги.

Медведь скрылся. Николай потянул меня за рукав, и шёпотом: «Не бойся. Охотники говорят: медведь пьянеет от этих ягод и отходит в сторону отлежаться. Отдохнёт и опять примется выбирать ягоды».

Во избежание неприятной
встречи, мы стали осторож-
но удаляться.

МУРКА ВЗБЕСИЛАСЬ

Встретился я с Евгением Козыренко. Он мне и говорит:

– Федор Харитонович, у тебя пёс молодой. На медведя не ходил. Возьми у меня медвежью голову, дай ему понюхать.

– Обязательно возьму, заодно и чучело сделаю, – согласился я.

Дождался выходного дня. Зашёл к Евгению. Поздоровались. Зинаида Николаевна занималась на кухне. Евгений предложил раздеться и поговорить. Я снял пальто, шапку, взял табурет, присел и стал расспрашивать, как и с кем он убил медведя.

В это время Зинаида Николаевна вышла в сенцы, занесла кусок мяса и занялась своим делом.

С обогревателя, где сушились валенки, прыгнула кошка и побежала на кухню.

Евгений бойким говором улыбочиво стал рассказывать, как они обнаружили берлогу.

– Мя, – о себе дала знать кошка.

– Обождешь, – отозвалась хозяйка, – дам. Обязательно дам, только не путайся под ногами.

– Мурка, не мешайся там, иди сюда, – сказал Евгений. Мурка замолчала. Через некоторое время появилась у моих ног, обнюхала и отправилась на прежнее место.

Мы увлеклись беседой. Вдруг, как резанёт: «Мяу-у-у!» Я вздрогнул и бросил взгляд на кошку. Мурка преобразилась: спина горбом, хвост ершом, глаза горят. Опять заорала: «Мяу-у-у!»

С кухни выглянула Зинаида Николаевна. Евгений улыбается. Я с кошки глаз не спускаю. Кошка вздрогнула, прыгнула на пол, и снова как закричит: «Мяу-у-у!» Маханула на шифоньер – «мяу-у-у!». С шифоньера – «мяу-у-у!» Мы ринулись ловить кошку и замельтешили по квартире.

Кошка – в кухню. И – загремела посуда.

– Не пускай к ребёнку! К Натке! К Натке не пускай! Перепугает! – кричит Зинаида Николаевна.

– Открывай дверь! Мурка взбесилась! – подал команду Евгений.

Я открыл дверь.

– Гони на улицу! Скорей же! – торопил хозяин дома.

Кошка словно поняла, что от неё требуют, выскочила в сени. Я захлопнул дверь.

– Фу! – выдохнула Зинаида Николаевна, свалилась в кресло и поинтересовалась: – Сережа, ты где?

– Натку стерегу.

– Правильно делаешь.

– С чего это она так? – удивился Евгений.

– Не знаю. Я ей только что дала мерзлой медвежатины.

– Так это она от медвежатины горячку получила. Садись, Федор Харитонович. Вы знаете: некоторые собаки медвежьего мяса не едят, даже запах не переносят, наверное, и кошки так же.

– Теперь буду знать, – сказала Зинаида Николаевна и наказала: – Мурку до вечера не пускать. Сережа, слышишь?

– Слышу, мама.

РЕКС

Евгений дал мне медвежью голову и впридачу – лапу. Я вернулся домой, голову спрятал, а лапу решил показать псу. Он ещё молодой, на охоте не был. Интересно, как будет реагировать на незнакомый ему запах медведя.

Подозвал Рекса, к его морде подношу черную, как смоль, с загнутыми когтищами, увесистую лапу. Рекс попытался схватить её. Я не позволил.

– Нюхать, Рексик, только нюхать.

Рекс не движется. Смотрит на лапу. Я опять лапу приблизил к его морде. Рекс как прыгнет в сторону. Чихнул раз, другой, отвернул голову, косится оледенелым глазом. Я с лапой к нему. Он – от меня и оскалил зубы.

– Любопытно, как будешь себя вести, когда встретишь медведя? – Отбросил лапу, подхожу к Рексу. Рекс обнюхивает меня. – Успокойся, дорогой, таким и надо быть. А вот, если бы ты понимал мою речь, то я б тебе рассказал, как от медвежатинки Мурка по квартире сигала и своим душераздирающим «мяу» нас напугала. У меня по голове даже мурашки бегали. – Я подобрал лапу и Рексу её больше не показывал.

БЫВАЕТ И ТАК

Приехал я к Геннадию Николаевичу рассказать о поездке в США. И только закрыл за собой дверь, мои уши заполонил кошачий рёв. От неожиданности я вздрогнул и, глядя под ноги, затоптался. Геннадий Николаевич включил свет, улыбается. Я не прохожу. Кот, с огненным взглядом, душераздирающе продолжает орать. Геннадий Николаевич прикрикнул. Кот не замолчал. Я пришёл в себя, говорю:

— Так меня ещё нигде не встречали.

— Не обращай внимания, Федор Харитонович, проходи, раздевайся, — и стал помогать мне снимать пальто.

— А если набросится, — подумал я, — такой и глаза может выдирать. В прихожую вошла Валентина Павловна, поздоровалась, в руке веник. Кот замолчал и удалился.

— Он у нас веника боится, — с застенчивой улыбкой сказал Геннадий Николаевич.

Валентина Павловна ушла. Я подошёл к вешалке — опять раздался оглушающий рёв.

— Ты всех так встречаешь? — обращаюсь к коту.

— Всех, кто редко бывает или совсем ему незнаком, — сказал Геннадий Николаевич.

Валентина Павловна опять появилась, взяла агрессора на руки и унесла.

Геннадий Николаевич предложил пройти в комнату. Мы сели в кресла, и я стал рассказывать. Вдруг кто-то зацарапал дверь. Я повернул голову.

— Это кот, сам открывает двери, будет царапать, пока не откроет.

— Имея такого кота, и собаки не надо держать.

— А мы и не держим.

Дверь вскоре открылась. Заходит большой белый кот и, не спуская с меня взгляда, проходит мимо. Заглянул под стол, диван, скрылся. Заходит Валентина Павловна, отыскивает кота и уходит с ним, плотно закрыв за собой дверь.

Прошло минуты две. Кот, поцарапав, опять открывает дверь и молчком проходит к стулу, обнюхал, запрыгнул на него, улёт-

ся, голову положил на лапу и стал смотреть в нашу сторону.

Я закончил рассказ. Геннадий Николаевич подвёл итог:

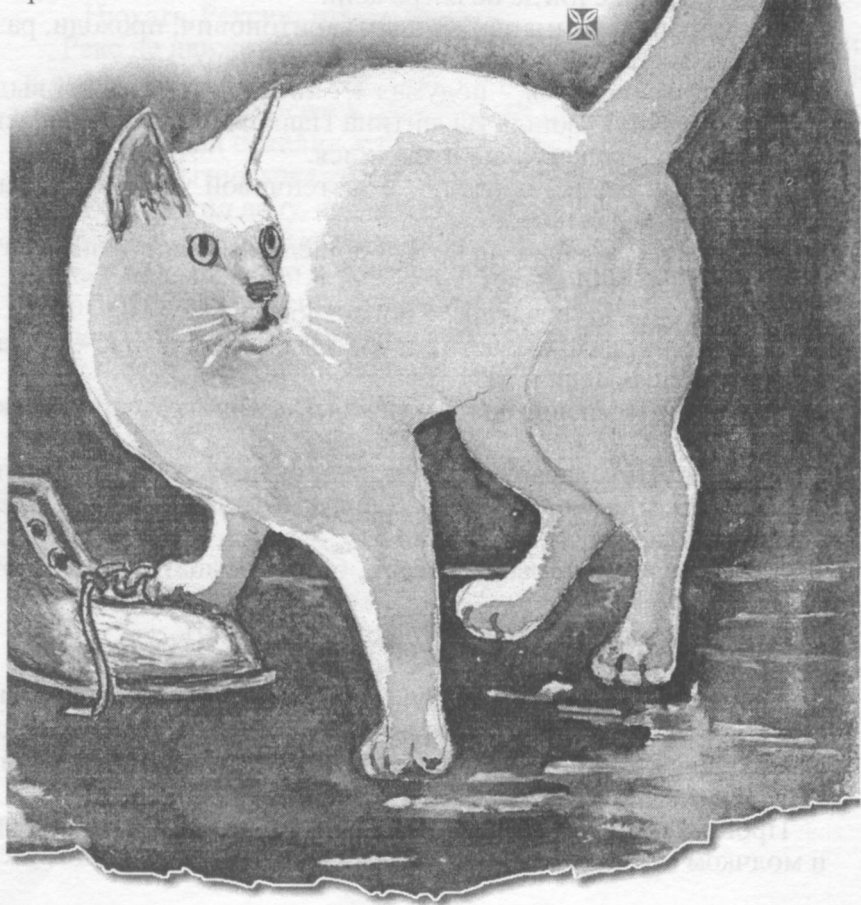
– Значит, у нас всё не так, как у них.

– У них и котов таких не встречал, хотя в одной семье пришлось увидеть десять кошек.

Геннадий Николаевич усмехнулся и сказал:

– Да, такой, как у нас, пожалуй, единственный.

Когда я уходил, то кот с рёвом меня уже не провожал.

ДЖОН-ТЕРАПЕВТ

Однажды я приехал к дочери в Дальнереченск и увидел у них величественного, в белых тапочках, пушистого кота. И только хотел спросить: «Где вы такого красавца взяли?», как Зоя сказала: «Папа, садись, рассказывай, как там мама? Что нового?» — и присела.

Кот направился к Зое, запрыгнул на колени. Зоя стала гладить его. Кот дружелюбно посмотрел ей в лицо, замурлыкал, улёгся.

— Это наш Джон, — сказала Зоя.

— Джон?!

— Я зову Джоник, — вмешалась в наш разговор трёхлетняя внучка Нина.

— А что, звучит, — согласился я.

— Он у нас умница: мышей, крыс ловит, и меня лечит, правда, Нинуля?

— Маму лечит, — подтвердила малышка.

— Это интересно. Как же он лечит?

— У меня как что-нибудь заболит, так я сразу ложусь, Джон без приглашения идёт ко мне и пристраивается на больном месте. Вскоре боль утихает.

— Если так, как оно есть, то вашего кота можно звать Джон-терапевт.

— Хорошо сказано, — согласилась Зоя.

— Берегите такого кота.

— Мы его любим, — сказала Ниночка.

— Вот и хорошо, что животных любите. Дольше будете жить, — говорю им. — Так где же вы такого кота взяли?

— Деда, он на дереве был и сильно плакал, — сочувственно сказала внучка.

— По весне я вышла на улицу, — стала рассказывать Зоя, — слышу, Занда лает. Я туда. А она на тополь загнала котика и лает на него. Мы закрыли Занду, принесли лестницу и сняли с дерева маленького чумазого бродягу.

Зоя рассказывает, а я смотрю на Нинульку. Она слушает и радостно улыбается.

— Потом мы его помыли, молочком напоили, и он стал у нас жить.

— Какие же вы молодцы, что так сделали. Джон оценил заботу о нём и рассчитывается с вами добром. А за то, что он тебе помогает избавляться от недугов, я бы его называл Джон-терапевт.

МУРЛЫКА – СВЯЗИСТ

Купил я комплект действующего детского телефона. Один аппарат установил у соседей за стенкой, другой – на окне около своего рабочего стола. Зоя стала разговаривать с подружкой Любой.

Однажды она позвонила, ответа не последовало.

– Папа, телефон не работает, посмотри, пожалуйста.

Я стал проверять и увидел: в одном месте проводок сильно помят. «Значит, здесь нарушена связь, – подумал я. – Кто же это мог сделать? Маленьких детей нет».

Прошло несколько дней. Работаю за столом. Мурлыка запрыгнул мне на колени, мордашкой потерся о руки, поднялся на стол и – к аппарату. Проводок взял в пасть и давай кусать. Проводок скользит между зубами. Мурлыка прижал его лапой.

– Так вот кто нарушил телефонную связь! Тоже мне, связист нашёлся. А ну, марш!

Об этом я рассказал членам семьи, и мы кота стали звать Связист.

ПУШОК-ИНТЕЛЛИГЕНТ

Нравится мне у Дечули бывать: всё у них как-то просто, непринужденно, приветливо. Словно в своём доме. Так и хочется что-то доброе сделать в знак уважения.

– Может, помочь чем? – обратился я к Любове Федоровне.

– Хочешь, почисть картошечки на суп.

Я взял ведро с картошкой, налил воды в миску, устроился удобно на детском стульчике и принялся за дело. Не успел очистить одну картофелину, как рядом оказался кот Пушок. Подошёл и сразу на задние лапки присел. Мелькнула мысль: «Служить, наверное, приучен». А он, приподнявшись, положил лапку на мою руку и, запустив когти, слегка потянул к себе. Даёт знать: «Дай мне».

– Картошечку любишь? – Я бросил на пол очисток, а сам вспомнил: раньше у меня кошка Мурка любила есть сырую картошку. Часто задумывался: почему ест сырую? Витамины нужны! Крахмала много в сыром картофеле. Чтобы не засорять Муркин желудок, я давал ей очищенную картошку. Бросишь кусочек, а она – хрум-хрум и проглотит.

Пушок к очистку не притронулся. Подтянулся к моей руке и снова выпустил отточенные о еловую стойку крючковые когти.

– Что же ты, Пушок, попросил картошечки, а сам не ешь? – сказал я ему. Любовь Федоровна услышала разговор и засмеялась:

– Фёдор Харитонович, он с пола не берет, только с рук. Интеллигент он у нас.

Опять когти вонзились в мою руку, и мне показалось, на сей раз сильнее.

Отделив кусочек картофелины, я предложил ему угощение с руки. И явно угодил. Пушок прильнул к полу и захрустел ядрёно-сочным кусочком. Съел один, попросил ещё. Пришлось выдать повторную порцию. Он её принял так же, с руки. Я, удивляясь, шутил:

– Таких, как ты, Пушок, я ещё не встречал.

А Любовь Фёдоровна мне вторила:

– Он у нас такой... Воспитанный кот.

ХВОСТ ЗДЕСЬ – КОТА НЕТ

Но вот такая история приключилась однажды с Пушком.

– Ольга, дочка, первая заметила, что у него хвоста нет, – поглаживая по спине бесхвостого Пушка, рассказывал Дечули. – Он часто играл своим хвостом. Бывало, закружится вьюном то в одну, то в другую сторону. Отдохнёт – и опять вертеться. Дети радовались, хохотали до слёз. А Люба моя часто пошучивала: «Разыгрался не к добру». Сашка даже смастерил ему обманку. Бывало, начнёт водить «мышь». Пушок пробежит немного за ней, и опять в круговерть. А потом как-то Ольга подошла к столу и как закричит:

– Ой-ёй! Хвост здесь – кот нет! Мама! Мамочка! Хвост здесь – кот нет!

Все мигом очутились на кухне: что это за чудо – хвост без кота?

– Что?! Где?!

А она тычет пальцем во что-то, похожее на гусеницу из тёплых стран. В тех краях, наверное, бывают такие большие.

– Да во-он!

Люба моя – храбрейшая женщина, а всё ж с опаской потрогала хвост ногой: он ли это? Ольга хлюпает без остановки, а Сашка забегал по избе, кот ищет. Заглянул в один, другой угол, шмыг под кровать и его там, бедолагу, увидел:

– Вот Пушок! Смотрите!

Он там беду свою зализывал – кончик оставшегося хвоста. Ну, детям невдомёк, как Пушок без хвоста оказался.

– Видно, кто-то нечаянно прихлопнул дверью хвост. Вот и отпал он, – пояснил я. – Болел, болел – и отпал.

А как ещё объяснить такую оказию?

– Открутился Пушок, – плачет Ольга.

А Дечули печально улыбнулся. По всему было видно, что ему самому жаль кота не меньше, чем его дочери Ольге.

ВОРИШКА

Как-то я зашёл к тёще. Поздоровались. Смотрю: у неё лицо встревожено.

— Анна Николаевна, что случилось? — обратился к тёще.

— Ничего страшного, но случилось... И никогда бы не подумала...

— Интересно. Может, расскажешь?

— Обязательно расскажу. Секрета нет.

— Тогда рассказывай. Готов послушать.

— У меня начала поспевать клубничка. И я подумала: перенькой порадую внуков. Хотела вчера собрать, да пошёл дождь. Решила — сегодня. Взяла котелок и направилась в огород. Подошла к грядке и ахнула. Клубника-то вся помята. Я в догадки: кто же мог сотворить такую пакость? Дети. Не иначе, как дознались соседские дети, — уверила себя. Бывало, залезут на поленницу и заглядывают в огород. Я так и решила, что дело их рук.

Походила, позаглядывала, никаких следов не обнаружила, стала собирать спелые ягодки. Нагнулась, а у самой слёзы навертываются, обидно-то как. Выпрямилась смахнуть слезу, и на тебе — сквозь щель забора пробирается соседский Тузик. «Зачем?» — думаю. «А ну, посмотрим», — и спряталась за куст смородины.

Тузик забежал на грядку и давай клубникой лакомиться. Я к нему:

— Попался, воришка!

А он упал на спину, пригнул лапки и смотрит мне в глаза, да так мило.

— Прощения просишь! — говорю ему. — Думаешь, что лежачего бить не буду. Ничего не выйдет. И только подняла руку, Тузик как вскочит — и в щель.

Тёща немного помолчала и добавила:

— Сама ещё не пробовала...

— Не огорчайся, Анна Николаевна. Клубника ещё нарастет. Клубника у тебя всегда урожайной была. Об этом и соседи знают.

— Даже собаки, — добавила тёща. Взглянула мне в лицо и улыбнулась.

ОРЛИК

Устроился дядя Ваня рабочим на сельский склад. И под его ответственность – конь Орлик.

Проработал дядя Ваня неделю и не сдержался – выпил. В хорошем настроении по надобности стал запрягать коня. С большим трудом поднял хомут и тычет в морду Орлика. Конь голову дерет.

– Орлик, ниже, ниже голову.

Орлик дядю Ваню схватил за фуфайку, трепанул и ну копытить. Подбежали сельчане.

– Э-э-э! Дядя Ваня, да ты изрядно пьян!

– Наш Орлик смолоду не любит пьяных. Ты им наказан третьим будешь.

Подняли дядю Ваню и повели в медпункт.

РЫЖИЙ ПОЛОСАТИК

Потребовался шиповник для поправки здоровья. Вот и отправился за село. Я давно знал, что у ключа Бори, на гравийных отвалах, растёт шиповник особенный: низкорослый, плоды длинные, жёлтые.

Вышел за огороды и упёрся в заросли шиповника. Сорвал плод – он был твёрдый, но уже спелый. Самый раз на лекарство. Бросил его в котелок. Котелок динькнул. Слышу: бурундук свистнул. Поискал взглядом и – на тебе: бурундук совсем рядом, метрах в пяти, сидит на валежине и что-то ест. Интересно: чем же он питается? Я – замер. Бурундучишка подвигал челюстями, изо рта выложил какой-то предмет на валежину и скрылся. Не надо гадать, – явно вижу – положил плод шиповника. Как же так? Грыз, грыз, а положил целый? – вот загадка. Не прошло и минуты, – бурундук на той же валежине опять появился. Уселся и – вновь задвигал челюстями. Нижняя челюсть двигается часто-часто, как заводная. И передние лапки при деле: удерживают плод. Погрыз, погрыз – опять положил.

Я сделал неосторожное движение, и рыжий полосатик мигом исчез. Подошёл к месту, где только что был бурундук. И что же: на валежине в один ряд уложены плоды шиповника. Возле – кучечка белых семян. Поднял один плод, а у него с одной стороны дырочка, и внутри – пусто. Просмотрел каждый плод – они были без семян.

– Не иначе, как заготавливает на трудное время, – удаляясь, делаю вывод.

Через трое суток я опять наведалься на это место: семена лежали, а плодов не оказалось.

АНОМАЛИЯ РАКА

В Приморском крае есть довольно приличное искусственное, в горном распадке, Сухановское озеро. В нём водится рыба: карась, головешка-ротай, голянь и другая мелочь. А также в большом количестве присутствует всеместный представитель наших водоёмов — десятиногий речной рак, первая пара ног которого — клешни.

С моим появлением на этом озере любитель-рыболов Володя вдруг преподносит мне рака с деформированной клешнёй и говорит:

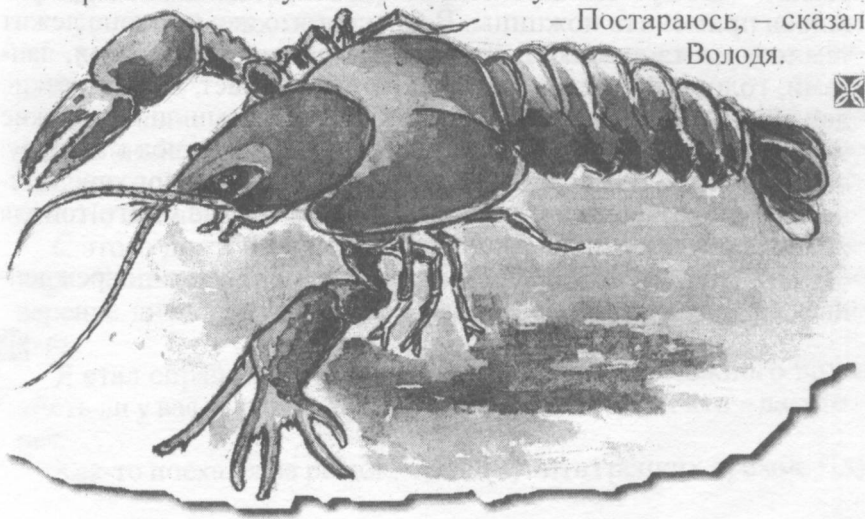
— Смотри, Федор Харитонович, что природа творит.

— Вот это да! Вот это сюрприз! Такого, уверен, ещё никто не видел, кроме нас. Этот рак достоин известности людям. В природе бывает много разных аномалий.

— А что такое аномалия? — спросил Володя.

— Аномалия — это отклонение от нормы, от общей закономерности, какая-либо неправильность. Людям давно известно, что если рак потеряет клешню, то вырастает другая, только она меньше предыдущей и менее развита, но клешня сильно похожа на предыдущую, а у этого рака клешня необычная — с пятью пальцами, если так можно выразиться. Это уникальный случай. Ох, как я тебе благодарен за такой сюрприз! Впредь будешь мордушу проверять, — будь внимателен к ракам. Они заслуживают большого уважения.

— Постараюсь, — сказал Володя.

КОЛЬЧАТЫЙ КОКОНОПРЯД

С внуком Максимкой и сыном Михаилом я проехал к железнодорожному мосту порыбачить. Остановились у протоки. Вышел из машины и сразу обратил внимание на вяло ползающих по песчаному берегу серо-зелёных гусениц.

— Решили перебраться на другой берег? — говорю про себя. — Исключено. Рыбы проглотят, да и плавать не умеете.

Глянул на сочную, бодро стоящую прибрежную траву, а там, на поясах зелёного травостоя прилеплены дольки лимонного цвета. «Так это коконы таких же гусениц, — смекнул я, — но почему они здесь? Вот загадка?! Ни деревьев, ни кустарника, и далеко от леса. Несметное количество таких гусениц я только что видел в городе на тополях».

Взял консервную баночку, пустил в неё гусеницу и положил два кокона. Перед сном баночку плотно закрыл.

Утром, как только встал, заглянул в баночку — гусеницы не оказалось. Убежала? Не должно. Посчитал коконы. Их стало три. «То-то она была вялой», — подумал я. И вот что меня удивило: за одну ночь гусеница смогла себе сплести кокон и превратиться в куколку. Вот чудо-то. Решил заглянуть в один кокон. Стал разрывать — не тут-то было. Плотный ватник, да и только. Пришлось применить ножницы. Вскрыл, и что же: в коконе лежит тёмного цвета куколка с обозначившимися крылышками, лапками, головкой с глазками. Куколка нервничает, делает резкие движения. На двенадцатый день из коконов вышли две рыжие бабочки. Я взял определитель насекомых и пришёл к выводу: вывелись бабочки кольчатого коконопряда — большого вредителя сада и леса. Этому подтверждение — в городе много тополя без зелёной листвы.

Я с большим сожалением посмотрел в окно на поврежденные деревья душистого тополя.

МИКРОМУРАВЕЙ – БРОДЯГА

Вернулся из долгой поездки домой. Сел за пишущую машинку. Заложил чистый лист бумаги в каретку и только начал печатать, как по чистому полю задвигалось какое-то микроскопическое существо, да так быстро, что у меня, равнодушного к миру насекомых, рука так и потянулась к нему. Надо же узнать: кто это?

Взял лупу, навел на резкость, и что же? К моему удивлению, под лупой бежал прозрачный, как из пластмассы, светло-коричневый муравей.

– Нашёл! – выпалил я на всю квартиру. – Нашёл! Скорей ко мне!

– Что нашёл? Чур, на двоих! – закричали в ответ домочадцы.

– Муравья нашёл! Не делится!

– Помешался на муравьях. Давно знаем, – услышал в ответ.

– Такого от рода не видал!

Первым ко мне подбежал внучек.

– Правда, муравей, – согласился Максимчик, – а почему он такой маленький-маленький?

Я поторопился к насекомому приткнуть линейку.

– Два миллиметра! Микромуравей! Иначе и не назовешь.

– Деда, дай я посмотрю.

– Максимчик, потерпи чуть-чуть. Должен же я его рассмотреть.

Через пять минут после моего знакомства с муравьём на подоконнике я обнаружил быстро снующих таких же мурашиков. Эти крохи бегали по подоконнику и забегали в одну из щёлок. Не сомневаюсь – это была квартира незваных гостей.

С этого дня я стал встречать своих новосёлов по всей квартире. Чаще всего их видел на кухне. Особенно там, где стояло варенье либо просто вода.. Темноты не боятся. Бегают и ночью.

Я стал спрашивать у жителей нашего многоэтажного дома: «Есть ли у вас муравьи-малютки?» Они отвечали: кто – да, кто – нет.

Как-то поехал я на рынок, чтобы купить грецких орехов. Иду

и спрашиваю у продавцов:

- Откуда орешки?
- Из Тбилиси.
- А ваши с каких мест?
- Кавказ.
- А вы откуда привезли?
- Из Средней Азии.

Дай, думаю, куплю среднеазиатских. Этих я ещё не пробовал. И купил. Принес домой и говорю внуку: «Максимчик, орешки будем кушать?»

— Будем, будем, деда, я сейчас, — а сам уже побежал за молотком. Разбиваю один орех, другой, третий. Четвертый попал с лопнувшей скорлупой и оказался легковат. «Ну, — думаю, — этот наверняка пустой». Ударил молотком. Орех развалился, и из него побежали в разные стороны точно такие, как в моей квартире, муравьи.

Оказывается, микромуравьи живут в нашей стране повсюду. Они просто не попадались мне на глаза.

Я стал просматривать справочники, определители, книги о насекомых и журнал «Юный натуралист» за прошлые годы. Не сразу, но всё же ответ нашёл.

Светло-коричневая кроха известна человеку уже два века.

...Микромуравей — южанин по происхождению, исконный обитатель тропических стран. Точно его Родина неизвестна, возможно, это Зондские острова. Оказавшись квартирантом человека, он нашёл в доме тепло и обильную пищу. Вкусы его совпадают с нашими, он так же всеяден. Обожает сладости: сахар, варенье, мёд, фрукты, конфеты. Смелый и напористый, этот забияка забирается и в пчелиные ульи. Небезразличен он и к остаткам пищи, в том числе гниющим.

Азиатскую часть нашей страны муравей начал атаковать как с Тихоокеанского побережья, так и со стороны Европы. Теперь он может считаться коренным сибиряком, осваивает и города Казахстана...

ОСА – ПОЛЕЗНОЕ НАСЕКОМОЕ

Однажды, во время обеда, я увидел на окне осу. Она что-то держала в передних лапках. Приблизился – в лапках была комнатная муха. Оса потопталась на месте – мухе откусила голову. Да так быстро?! Видно, что это у неё не первая жертва. Потом муху стала поворачивать с боку на бок, как бы соображая, что дальше делать. Тут же одно за другим полетели вниз крылья мухи. Она, по всей вероятности, знала, что и от лапок в питании пользы нет – удалила их. Лишь после этого с брюшка стала есть муху. Прошло несколько секунд, и от мухи ничего не осталось. Оса вылетела из кухни.

Фермеры США раньше в столовых вешали гнезда шершня и ос, чтобы они истребляли мух.

А ГРОМА НЕ БЫЛО

Июньский полдень. Нешадно палит солнце. Душно. Я весь в поту. Снял влажную майку — по телу пробежала холодная дрожь. С чего бы? Посмотрел на небо — оно покрыто редкой облачностью. Облака окрашены в разные цвета. Белесые и серые — высоко в небе, а синие и чёрные прижались к земле. Над Амуром — в десяти километрах — в облачное окно, словно из мощного прожектора, на землю ударил синий луч — явление редкое.

Пока я любовался необычным лучом, — сформировалось две тёмно-синих атмосферных стены: одна — над Амуром, другая — у сопки «Амурстали».

Вдруг туча с Амура стала наступать на город, и розово-серым заревом покрыла его.

— Что это? Пыль? Буря? Невероятное затмение? — метались мысли. — Что за диво?

И совсем неожиданно голое тело, словно ледяной иглой, ужалила дождевка. Пришлось подняться на порог домика. Редкие крупные капли начинавшегося дождя ударяются о бетонные дорожные плитки и взрываются радужными фонтанчиками. Тут же рванул ветер. Сразу задрбило, зашумело. Пригнулись кусты смородины, закачалась малина. Поднялась рыжая дорожная пыль. Затрепыхал полувековой тополь. От него оторвалась лопастая ветвь — и полетела прочь, следом — другая. Полил косой холодный дождь. Я вошёл в домик.

Ветер усилился. Стоящую у домика березку так пригнул: того и гляди, из скворечника вывалятся птенцы.

Дождь хлещет по дощатому забору, стене домика. Ботву ещё неокученного картофеля положил на землю.

Я оживился. По сторонам кидаю молниеносные взгляды — дабы увидеть новую, ещё не подмеченную мною, картинку природы. Влажная дорожная пыль заиграла алмазно-кипящей испариной. Моему удивлению нет предела.

И совсем неожиданно ветер стих, дождь прекратился, я подумал: «Такое потрясение, — а грома не было». Я облегчённо вздохнул и пошёл осматривать дачные гряды.

ПАМЯТЬ ДЕТСТВА

Как-то, до ухода на пенсию, я прочитал: чтобы сон был здоровым, спокойным, засыпая, полезно вспомнить собственное детство. Я последовал этому совету и не жалею, — мне стали сниться места моего детства. А детство и юность я провёл в посёлке Халан Ульчского района Хабаровского края. В девять лет, я хорошо помню, как на моих глазах на месте многочисленных озёр и болот, вблизи мари, где никогда не хаживала нога человека, на левом берегу в излучине протоки Халан создавалась перевалочная база Халан.

Мы, мальчишки, невзирая на наши невзгоды, были рады такому дикому месту. Хотя летом в утреннее, вечернее и ночное время нас одолевали комары, а день-деньской — мошка. И эта мизерная тварь почти круглосуточно занималась переливанием крови из наших организмов в свои ничтожномаленькие животики.

Всё лето от укусов мошки у меня за ушами не сходили болячки, которые постоянно чесались, и я их расцарапывал до крови. Какой только мазью не мазался. Всё было бесполезно. Гнус пил человеческую кровь.

Не обращая внимания на все издёвки насекомых, мы постоянно находились на улице. Любое детское занятие всегда приносило какую-нибудь пользу нашим семьям. В считанные минуты мы могли на крючок поймать леща, чебака, касатку. А в затопленных водой кочках голыми руками можно было поймать даже серебристого карася.

В хорошую пору за день набирали до двух-трёх вёдер иссиня-сизой витаминной кисло-сладкой голубицы или ведро клюквы, ягода которой цвета румяного яблока. Не было проблемы набрать два-три мешка стланиковых орешек.

Перевалбаза работала. В это время от Киселёвки до прииска Агние-Афанасьевска строилась шоссейная грунтовая дорога. И через десять лет по девяностокilометровому горному перепаду пошли автомашины. Необходимость в базе Халан отпала. Посёлок закрыли. Люди выехали, а память о Халане осталась.

Я тосковал по одичавшему Халану. Списался с таким же, как

я, пенсионером, бывшим директором Быстринской школы Куракиным Леонидом Евстафьевичем. Договорились: он на моторной лодке свозит меня на Халан, а я покажу ему хорошие места.

Из Комсомольска до Быстринска на «Метеоре» я доехал за четыре часа. Для поездки на Халан у Леонида было подготовлено всё. И третьего октября мы решили отчалить от песчаного берега посёлка лесников. Я устроился на переднем сиденье. Леонид веслом оттолкнул лодку, завёл подвесной мотор и взял курс на середину Амура. Непokoйный, но умеренный Амур похлестывает с обоих боков дюралевую лодку, как бы торопит нас на встречу с Халаном. И скорость лодки в сорок километров с добавкой десятка километров течения реки нам дало возможность быстро поравняться с Больбинским утёсом. У Больбинского утёса, в защищенном от северных ветров распадке, до войны и в войну жило несколько семей рыбаков.

Утёс — богатырь, по срезу монолитной стены, явно заявляет о том, что он упрям и твёрд.

Переваляли Амур. Плывём вдоль левого пойменного берега. Я приблизился к Леониду и на ухо кричу:

— Здесь в тридцать третьем заднеколёсный пароход «Колумб» на песчаный берег высадил нас — три семьи бежавших из голодного Благовещенска. А в трёх километрах от берега был посёлок Застрельщик, в котором проживали наши земляки. Мы только сошли на берег, как мои старшие братья Гриша и Сережа на закидушки мигом наловили ведро касаток. Мы тут же их сварили и утолили голод.

Вышли на простор Амура. Ветер-низовик навстречу нам гонит большие волны. Мотор работает безотказно, лишь в момент покидания гребня волны взвизгнет циркулярной пилой.

Пять минут, и мы заходим в начало протоки Дарахта. Справа — обрывистый глинистый берег, поросший сплошным тальником. За ним, на открытом месте, стоит фонарь речников — створой называется. Гляжу и не узнаю места. Здесь был небольшой островок, покрытый разноцветной лозой. И с левой стороны острова катер «Вьюга» всегда проводил пятидесятитонную деревянную халку, на которой был шкипером мой отец. Здесь же, однаж-

ды, в малую воду руль халки задел песчаное дно и выдернул из кормы пару досок. В халку хлынула вода и она застряла на мели. Все, кто был на халке, поспешили на берег, так как понимали, что от загруженных в трюме сухих химикатов сразу пойдут отравляющие газы. Так оно и случилось. Но охранник груза на халке забрал винтовку и вернулся. Спустился в кубрик, схватил оружие, высунулся из кубрика по пояс и сник. Отец ринулся к нему, вытянул его на палубу и тоже сник. Люди заволновались. Подоспел матрос с катера. Вскочил по трапу, подхватил обоих под мышки и вынес на берег. Отец дышал. Охранник был мёртв. Отца на катере увезли в Софийск и в военном госпитале вылечили. Об этом рассказу Леониду на стоянке, сейчас не буду отвлекать, а то зарулит в тальники. А вот почему протоку называли Дарахтой, и кто назвал – я до сих пор так и не знаю. Помню одно: в войну против Застрельщика рыбаки халанской базы осенью ловили кету, и много попадалось сазанов. Моя сестра Наташа – рыбацкий повар – варила сазанов и из мяса удаляла все кости. Мясо потом перемешивала, обжаривала и получалась рыбная каша, которую рыбаки называли дарахтой. Ели без хлеба.

Пока я всё это перекрутил мозгами, мы уже зашли в первую излучину Дарахты. В войну на правом высоком и ровном берегу был небольшой сухопутный аэродром, с которого двухкрылые самолётики перевозили на прииск Агние-Афанасьевск по два мешка муки, так как гужевой транспорт не успевал золотопромышленникам доставлять муку. И как сейчас помню: обрывистый глинистый берег был весь поражен гнёздами легкокрылых стрижей. И гудящих самолётов не боялись. Сейчас гляжу – гнёзд нет. Большая излучина вывела нас к бывшей колхозной заимке. Колхоз имени Менжинского располагался на Халане в восьми километрах отсюда. Миновали место бывшей заимки и с левой стороны нас встречает узкая, заросшая тальником, проточка.

– Эта проточка ведёт к Застрельщику, – говорю я. – По ней мы, беженцы, на кунгасе плыли на Халан.

Дарахта кончилась. Заходим в подкову – слияние четырёх рек: Дарахты, Авалей, Лимурей и Халана. Направо пошли Авали. Мы круто поворачиваем налево и направляемся к устью гор-

ной, с водой, как слеза, реки Лимури. А каких здесь зимой рыбаки ловили карасей! Серебристые. Больше одного карася на сковороду не поместишь, а жареный – сладкий, пальчики оближешь. Лимуринские – называли их рыбаки.

На левом высоком берегу устья реки Лимури, в окружении приречных луговых трав, голубичника и лекарственной черемши, утопая в черёмуховых деревьях, благоухал татарский посёлок. Здесь, слева от устья Лимурей, и берет начало протока Халан. Но что интересно, в детстве, когда мы на весельных лодках заплывали в Халан, хорошо видели выющуюся водяную жилку, которая разделяла мутную халанскую и прозрачную лимуринскую воду. Оказывается, чистейшая лимуринская вода смешивается с мутной дарахтинской и по обмелевшей восточной стороне подковы идёт навстречу лимуринской. Пройдя полторакилометровый путь, питает протоку Халан. В детстве я никак не мог сообразить, как это всё получается. Оказывается: мутные воды Дарахты намного напористей затухающих вод Лимурей. Опять я подсел к Леониду и говорю:

- Как думаешь, Халан – чьё название?
- Не знаю, – задумчиво сказал Леонид.
- По всем научным догадкам Халан – название нанайское.
- Возможно. Исследованием не занимался. В моей жизни главным было – обучение и воспитание детей. Сейчас увлекаюсь рыбалкой.

– А здесь было Пригородное? Так, кажется? – спросил Леонид. – Наши сюда плавают картошку сажать. Выращивают картошку, рыбу ловят, ягоды собирают, охотятся...

Леонид говорит, а я думаю: «Подсобное хозяйство называли Пригородным, а города и близко не было. Но хозяйство было большим. Одних коров было голов сто. Держали лошадей и свиней. Выращивали картофель, капусту, морковь, турнепс, смородину. Посёлок был большим и оживлённым. Для нормальной жизни сельчан здесь было всё. Сейчас и следа не видать от многочисленных построек. Где заросло тальником, где в большие воды размыло берега».

Проплыли по прямой километра два, и опять вспомнилось местечко, где проживали мои родные: две семьи Поправко, се-

мья Масловского Ивана и фонарщик дед Мрязев. С противоположной стороны, по проточке, мы всегда весной плавали на березовую рёлку* за черемшой, а в мелкие воды в проточке руками ловили карасей. Вода в Халане иногда была такой малой, что в некоторых местах мы ходили пешком по дну реки.

Прошли за поворот. По левой стороне на самом высоком, какие здесь есть, берегу я увидел лиственничный лес и вспомнил, как мы в детстве здесь, у самого берега, обнаружили стоянку аборигенов. На месте стоянки были следы очага, брошенные деревянные стрелы и луки. По всей вероятности, аборигенами были нанайцы, и они первыми дали протоке имя Халан, которую под этим названием увековечили на картах Хабаровского края. Халан – протока пойменная, как змейка, извилистая, протекает по глинисто-песчаному грунту и на крутых поворотах сильно подмывает берега.

Пятый километр халанского пути – пятая излучина с прямым углом, и с небольшим уловом, на котором мы с братом Сережей ставной пятнадцатиметровой сеточкой за ночь вылавливали до тридцати хвостов летней кеты. А на правом берегу этого поворота до войны несколько лет действовал палаточный пионерский лагерь. Рядом находится большое плоскодонное, не поросшее кувшинками, карасиное озеро. Из него мы на три удочки за утрянку выкидывали на берег более пятидесяти серебристых карасей. Это озеро местные жители стали называть Лагерным.

Ещё километр, и мы будем в посёлке Халан, бывшем, конечно. Поравнялись с Аммональной проточкой, и я попросил заглушить мотор.

– Зачем? – спросил Леонид и удовлетворил мою просьбу.

– Немного познакомлю с прошлым Халана. Мотору спасибо, пусть немного отдохнёт. Будешь слушать?

– Зачем же я ехал сюда? Слушаю, – и потёр пристывшие кисти рук.

– С этой проточки и начинался посёлок Халан. На левом берегу её был небольшой аммональный склад, который круглосуточно охранялся военизированной охраной. А справа от про-

* Рёлка – удлинённое возвышение в пойменном месте.

точки, видишь, стропила торчат?

– Вижу.

– Это был склад для муки. Рядом стоял мазаный дом эстонца Питтая. Он был первым поселенцем Халана. Дальше вдоль берега были поставлены склады для продуктов, товаров; технический склад. Чуть дальше – конюшня лошадей на пятьдесят. От базы на север и на юг располагался посёлок с начальной школой, медпунктом, почтой, баней. В посёлке был организован колхоз овоще-молочного направления.

Леонид повернулся к мотору.

– Обожди, не заводи. Хочу рассказать один случай.

– Тогда валяй. Нам всё равно торопиться некуда.

– Вот и хорошо. Слушай. Против нашего домика простиралось озеро. Да и вообще наша деревушка почти со всех сторон омывалась водой. Поэтому основным видом транспорта в летнее время была лодка. За черемшой – на лодке, рыбу ловить – на лодке, на покос – на лодке, за голубицей – на лодке, за орешками стланика – на лодке, даже дрова заготавливали на лодках и только летом. Лодка нам нужна была, что крестьянину лошадь. Вот отец и сделал лодку.

В один из майских дней братья и сестры ушли в школу, отец – на работу, мать около дома картошку сажала. А я от радости, что у нас своя лодка, решил покататься на ней. Грести вёслами не умел. И решил вообразить: лодка – катер, я – мотор, ноги – винт. Развернул у берега лодку, закатал штанишки, сел на корму, оттолкнулся и замотал ногами. Вода забурилась, я зафыркал, и лодка двинулась вперёд.

В это время на берегу появился Чинарёв Витька. Я решил похвастать перед ним своей смекалкой и постарался глубже опустить ноги, чтобы произвести более сильные толчки. Лодка двинулась быстрее. Я крикнул: «Витька, смотри!» И – бултых. Ногами ощутил дно, выпрямился (плавать не умел, конечно) и, сознавая, что стою лицом к берегу, поспешил идти. Сделал два шага, чувствую, моя голова стала освобождаться от воды. Напряг силы и, захлёбываясь, выхожу из воды. На берегу стоит растерянный Витька, к воде подбегает испуганная мать. Я вышел на берег, от испуга дрожу, зубами щёлкаю и молчу, а теплые

счастливые слёзы текут и текут по холодным щекам.

– Надо же, такой маленький и не растерялся!?

– Перед лицом смерти, – добавил я. Леонид улыбнулся и сказал:

– Показывайте, где вы тут жили.

– Не торопи, готовь мотор. А дальше, за бывшим посёлком, река по-прежнему петляет. За вторым поворотом справа берет начало Малый Халан. И километров через пять он опять впадает в этот Халан. Недалеко от его впадения есть озеро Соломи, туда-то все и ездили за орешками. С этого места основное русло реки становится намного уже, и поэтому скорость течения увеличивается вдвое.

А когда мы приплыли из Застрельщика на Халан, нам сразу выдали паёк, косы, грабли,

вилы и сопровождали на Малый Халан. Мы там на три семьи соорудили травяной балаган и до осени жили в нём. Там-то я и получил первое крещение с мошкаррой. Хватит. Заводи.

Леонид дёрнул накрученную на маховик бечеву, мотор взревел и водителя обдало голубым дымком. Я вытянул руку в направлении Аммональной проточки. Леонид включил скорость. Лодка рванулась вперед. В считанные секунды мы проскочили проточку и вышли на открытое место – край озера. Воды много. Отметка на тальниках показывает, что уровень воды недавно был на метр выше.

– Вот это да! – удивился я. – Когда мы здесь жили, таких подъёмов не было. Хорошо, что люди выехали, а то страдали бы сейчас.

Я показал, куда пристать. Место нашего домика было незатопленным. От домика сохранился обтёсанный столб. Стоит, как памятник нашему дому. По заросшей дорожке – звериная тропа. Леонид пригнулся, сказал:

– Лоси прохаживаются.

– На озеро ходят. Сочными корнями кувшинок лакомятся. Оно за бывшей баней, недалеко.

Мы вернулись к лодке и проплыли вдоль берегов озера. Я показал ягодные места, и мы причалили на краю бывшего посёлка, где было кладбище.

– Федор Харитонович, почему это место выбрал?

– Здесь было кладбище. Переночуем, земляков помянем.

Вышли на берег, походили, следов кладбища не обнаружили. Заросло кустарником, деревьями. Березовые и осиновые листья шуршат под ногами: отжили мы, отшумели, пошли на покой, как и ваши земляки. Мне стало грустно.

– Лёня, можно тебя так называть, не обидишься?

– Конечно, я же моложе вас.

– Видишь остров?

– Слона да не приметить. По периметру километра два, если не больше.

– Он интересен тем, что своей поверхностью ребрист, как стиральная доска: невысокие рёлки, как меридианы, пересекают весь остров с севера на юг. Рёлки покрыты корявой ветлой и

редким осинником. Между рёлками, даже в мелководье в распадах сыро и глухо. Для наших коров это было любимое пастбище. Берег острова открыт от кустарниковой поросли. Летом мы ходили по берегу, на удилищах тянули блёсны и выдёргивали бронзовых щук. Чаще всего щук ловили с лодки. Куда бы ни плыли, всегда брали с собой блесну, а то и две. Щука настолько хитра и сообразительна, что почти каждый раз, как попадётся, выпрыгнет из воды, зубастую пасть откроет и трясёт головой, аж блесна звенит. Иногда и выбросит. Бывало, по два раза выпрыгивала. Мы всегда старались быстрее подтянуть её к лодке и выдернуть из воды. Однажды я на оморочке водил блесну, и попалась такая щука, что оморочку тянула. Я боялся её выдернуть в оморочку, могла опрокинуть. Степаненко Павел, товарищ, они жили у берега озера, увидел меня и удивился: я не гребу, а оморочка движется с приличной скоростью. Он и закричал:

– Федька, тебя что, водяной катает?

Леонид просиял улыбкой.

– Щука выбилась из сил. Я тихо-тихо на вёслах завёл её вон в тот заливчик, вышел на берег, и крючком выдернул её из воды. У щуки бока были бронзовые, спина чёрная и покрыта мхом. Одной рукой поднять не мог. Дома замерил – оказалась в сто сорок сантиметров. На котлеты пошла.

– А почему вы сказали: бронзовых щук ловили?

– Почему? Видишь, какая вода, что заварной чай. Мой сват, Кузнецов Леонид Васильевич, это озеро называет Керосиновым. Он цвет воды сравнивает с керосином. Каждый по-своему на всё смотрит. От долгого пребывания рыб в такой воде чешуя приобретает бронзовый цвет. Красиво смотрится. Золотом отливают.

Это озеро наполовину глухое. В него вода заходит только в паводки. Постоянно его питают маревые воды. А маревая вода всегда имеет цвет круто заваренного чая.

В этом озере мы и купались, и рыбу ловили, и игрушечные самоделки – катера и халки – на поводках водили. Серёга даже к оморочке приделывал лопастные колёса с коленвалом, как у пароходов было, с рулевым управлением. Интересно было ка-

таться на такой лодке.

Осенью, по первому льду, катались на деревянных коньках-самodelках. А зимой по нему всегда проходила санная дорога. Летняя – рядом, по мари, настелена из протёсанных брёвнышек, сланью называли.

– Лёня, тебе когда-нибудь солнечное затмение приходилось видеть?

– Нет, а вы, конечно, видели.

– Видел. В середине тридцатых. Вон на том перешейке, что ведёт к острову. Сейчас он затоплен. Мы с другом Николаем Куликовым бежали на остров дикого лука набрать. Вдруг солнце – раз, и потухло. Был полдень. Стало так темно, что я друга не вижу. От испуга я даже присел. И сразу холодом обдало. Вот и сейчас. Солнце спряталось, и сразу стало холодать. Как важно для жизни солнце.

– Чувствую, заморозок будет, – сказал Леонид и принялся готовить дрова.

– Мне так хочется тебе рассказать о наших детских играх. Были и необычные.

– Говори, у меня уши свободные.

– По слани летом катали железные обручи от бочек. Загибали устойчивую проволоку, как букву «п» с одного конца, за другой конец брали и толкали обруч впереди себя. А чтобы обруч не падал, надо его быстро толкать, а быстро толкать, значит, надо бежать. Вот и бежишь, под ноги не смотришь. Набегаемся, присядем и начинаем из подошв вытаскивать занозы.

Приходилось даже зубами друг другу вытаскивать. Интересная игра, ничего не скажешь.

Я замолчал.

Леонид повернул голову в мою сторону, улыбается:

– Продолжайте, продолжайте, я слушаю.

– Чаще играли в клёк. Это такая игра, когда на забитый упругий кол вешалась небольшая палочка – это и был клёк. По жребию один вадит в сторонке от кола. Остальные стараются попасть палкой по забитому колу. Если палка резко ударит по колу, то клёк улетает метров на пять. За это время, когда вадящий повесит на место клёк, остальные, кто уже бросил палку, должны

сбегать за своей палкой. Не успел – будешь вадить.

Играли в чижики. Чижики делали из палочки. Палочка с палец застрагивалась на четыре грани. Концы застрагивались пирамидально к одному углу.

Положишь чижики в условное место. Палочкой ударишь по кончику чижики, он подпрыгнет, его ударишь повторно, и чижики отлетает. Потом, набирая очки, своей палочкой до него меряешь расстояние. Длина палочки – очко.

Часто играли в прятки. Прятались по кустам. Спрячешься, в пяти метрах тебя не видать. Вот, как здесь. А ещё играли в прятки с забиванием кола. Все забивают кол и прячутся, а вадящий должен его вытаскивать. Когда вытащит, тогда идёт искать спрятавшихся. Кол забивали обухом колуна. Однажды при такой игре я стоял близко около кола. Вадивший пошёл искать ребят, один парнишка прибежал, схватил колун, я за его спиной оказался, он второпях замахнулся, остриём ударил мне по верхней губе и рассек.

– Здорово?

– Почти насквозь.

– Зашивали?

– В медпункт не пошёл. Так срослось. До сих пор ношу память об этой злополучной игре.

– Пока ещё не стемнело, давайте поставим маленькую сеточку. Проверим: действительно ли Халан богат рыбой? Да и на завтрак будет уха.

– Обязательно сварим.

– Из золотой рыбки и керосиновой воды, – пошутил Леонид.

– Тогда поплыли. Я укажу, где поставить.

– Я уже и сам сообразил.

Подплыли к высокой пырейной траве. Берега не видать, затоплен. Леонид из мешка достал сеточку.

– Покупал?

– Сам вязал. Рыбалка – моя страсть. Мне бы надо было рыбаком родиться, а вот всю жизнь проработал учителем.

Леонид конец сетки привязал за вершинник пырея. «Гребите», – сказал мне. Я взялся за вёсла. Он, поднимая поплава, дель бросает на воду. Второй конец закрепил тальниковым колыш-

ком. Здесь кто-то уже ставил сетку.

Вернулись к первоначальному причалу. Развели костёр, повесили котелок с «керосиновой» водой и установили палатку. Леонид сотворяет ужин. Я присел на поникшую старую ветлу и погрузился в прошлое. Думаю: «При всех трудностях люди почему-то жили дружно. Праздники отмечали коллективами. Пьяных в селе никогда не видел. Мы – мальчишки, да и взрослые, никогда не враждовали, наоборот, больше соревновались, помогали друг другу, чем могли и как могли».

Леонид приготовил ужин. Из лодки принёс деревянную сидуху, предложил мне. Налил по сто граммов и говорит:

– Прошу, Федор Харитонович, давайте усопших земляков помянем, ваше детство и всё доброе, что здесь было.

Пока ужинали, стемнело. Озноб стал брать.

– Октябрь своё берет, – говорю я. – Пойдём на покой.

– Я для вас приготовил спальный мешок.

– А ты?

– У меня будет ватное одеяло.

– А под себя?

– Сухие листья. Видите, сколько сыпучей подстилки. Шумит, о себе даёт знать.

– Снег покроет, замолчит.

В темноте мы немного повозились, улеглись, поговорили, уснули. Проснулся. Телу жарко, а голова замерзла. Шапка сдвинулась, а лысину нечем защитить. Шапку натянул покрепче, повернулся, лежу. Что-то не спится. Или оттого, что голову пристудил, или воспоминания прошлых лет взволновали меня. Вдруг Леонид забормотал и резко завозился. «Бредит», – думаю. Не бужу. Надо уловить его слова. Интересно, о чём он может во сне говорить. Может, лешие снятся. Зачем ему сказал, что под нами усопшие лежат. Лежал, лежал, давай считать. Уснул.

Проснулся от шума. Сдвинул шапку. Слушаю. Леонид стучит по палатке и кричит: «Пошёл вон! Я тебе дам!» – повозился, успокоился. «Бредит, – думаю, – во сне бы так ясно не говорил. По себе знаю. Молчу. Он молчит. Интересно, часто с ним такое случается? Спросить? Нет, не буду. Неудобно про такое спрашивать». Заснул.

Опять проснулся. Чувствую: глаза больше не липнут. Смотрю в потолок палатки. Светлее стало, чем с вечера было. Повернулся. Смотрю: Леонид поднялся и выбирается из палатки.

– Встаём, – говорю я.

– Пора. Скоро солнце взойдёт. Бр-р-р. Морозец был. Лист под ногами хрустит.

– Перестал шепелявить. Сразу громко заговорил.

– В одну ночь горло простудил, – Леонид подхватил шутку и кашлянул.

Я с трудом выбрался из мешка и выполз из палатки. Поправляя одежду, говорю:

– Не зря лысина мёрзла.

Леонид засмеялся и говорит:

– А я, вы знаете, ночью кого-то от палатки гнал.

Я насторожился.

– Слышу: шурх, шурх. Ну, думаю: лось пожаловал, тропа рядом. Наступит – и дух вон. А шорох рядом с палаткой. Не выдержал, и давай гнать.

Я засмеялся.

– Смешно. Надо же было нас как-то обезопасить.

– А я подумал, что ты во сне бредишь от того, что на кладбище спишь.

Леонид засмеялся. Я поддержал его.

– Поплывём, сетку проверим, – говорю Леониду, – и завтрак приготовим.

– Да подумаем о возвращении домой.

Подплыли. Часть поплавок не видать. В двух местах заныряли. Леонид взялся за сеть.

– Карась, видно, попался вчера, не бьётся.

Леонид выпутывал его долго, даже забурчал. Я понял: сетью недоволен. Вода холодная. Воздух холодный. Кисти рук покраснели. Высвобождая карася, он его перекинул с одной стороны на другую, подвесил, крутнул, через нужное очко продёрнул и ловко вытряхнул из паутинового гамака.

– Один есть, – говорю.

– А вот и второй, а там третий.

Леонид высвободил пять карасей. Стал вытаскивать боль-

ших, золотистых, похожих на щуку, ленков.

– Вот такой рыбы мы в озере никогда не ловили. Растерялись при большой воде. Раньше мы ленков ловили только в Халане, только после ледохода и только на лягушек. В озере на лягушек ловились только сомы.

Леонид высвободил ленков. Я посчитал, их тоже было пять.

– Вот заварим уху! – возрадовался я. – Халанскую.

– Для уха котелок мал. Давайте дарахту приготовим.

– Мне всё равно, лишь бы из халанской рыбы, – ликовал я.

Завтрак приготовили, как и договорились. Покушали.

– Ну, что, будем прощаться с вашим детством, а то мне в обед надо быть дома.

– Спасибо и за это, – а у самого взволновалась душа, хоть плачь. Вида не показываю. Остался бы ещё дня на два, – мысленно говорю про себя. Но увы, приказать не могу и выдавил:

– Поехали.

Стали отплывать. Леонид увлекся мотором. А я верчу головой, стреляю глазами – стараюсь запомнить не то что как выглядят берега, а каждое деревце, кустик, кочку, меж которых я бегал босиком и за каждое лето по нескольку раз сбивал пальцы до крови. У меня и сейчас на левой ноге соседний брат большого пальца сгорблен. Мы часто бегали на Халан, как мы тогда говорили, катер с халками встречать. Это для нас была радость превыше всего. Заслышим звуки мотора на третьем кривуне и рванём по кочкарной тропе. Старшие ребята – впереди. Я – поменьше, всегда сзади. Бегу, под ноги не смотрю. Хоп! Корешок зацепил. Присяду на кочку, схвачу больную ногу, трясу, сквозь слёзы смотрю на капающую алую кровь и сбитую нежную кожу. Гляну вперед, а ребят не видно. Кожицу притулю на своё место, встану и, чтобы не опоздать на встречу, хромко дам стрелка.

Стали подплывать к Пригородному. Леонид снял скорость и говорит:

– Фёдор Харитонович, сидушку забыли.

– Возвращаться будем?

– Да нет.

– Правильно. Будет причина ещё раз приехать сюда. Пусть

леший на ней отдыхает, да нас вспоминает. Это он ночью приходил, а за то, что ты его прогнал, он и устроил на твою память шутку.

Леонид карими глазами улыбнулся, на полную скорость включил мотор, и мы двинулись вперед. В обед были дома...

ОГЛАВЛЕНИЕ

В НАЧАЛЕ МАЯ	3
СИРЕНЕВЫЕ СОПКИ	6
ГОРИХВОСТКА	7
КАК ГОРИХВОСТКА ПРОУЧИЛА КУКУШКУ	9
ВОРОНЫ	11
ПРЕДСКАЗЫВАЛА ПОГОДУ	13
ЗНАЕТ, ЧТО ДЕЛАТЬ	14
СОЗНАТЕЛЬНО ЛИ ДЕЙСТВОВАЛ?	15
ДОМАШНИЙ ВОРОБЕЙ	16
ЗАСТАВИЛА ДУМАТЬ	18
УССУРИЙСКИЙ ФАЗАН	20
НЕОБЫЧНЫЕ КАРТИНКИ ПРИРОДЫ	22
НАПРОКАЗНИЧАЛ	24
ШИШКОВАНИЕ	25
ЛАКОМКА	26
МУРКА ВЗБЕСИЛАСЬ	28
РЕКС	30
БЫВАЕТ И ТАК	31
ДЖОН-ТЕРАПЕВТ	33
МУРЛЫКА – СВЯЗИСТ	35
ПУШОК-ИНТЕЛЛИГЕНТ	36
ХВОСТ ЗДЕСЬ – КОТА НЕТ	37
ВОРИШКА	38
ОРЛИК	39
РЫЖИЙ ПОЛОСАТИК	40
АНОМАЛИЯ РАКА	41
КОЛЬЧАТЫЙ КОКОНОПРЯД	42
МИКРОМУРАВЕЙ – БРОДЯГА	43
ОСА – ПОЛЕЗНОЕ НАСЕКОМОЕ	45
А ГРОМА НЕ БЫЛО	46
ПАМЯТЬ ДЕТСТВА	47

Для младшего и среднего школьного возраста
Масловский Фёдор Харитонович

УССУРИЙСКИЙ ФАЗАН

рассказы

Редактор О. Б. Луконина
Технический редактор К. С. Луконин
Корректор М. Н. Рудницкая

Подписано в печать 18.02.98. Гарнитура «Таймс». Формат
42х60¹/₈. Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 4. Усл.
печ. л. 4,68. (Уч.-изд. л. 4,34) Тираж 350 экз. тип. 1998 № 3947.

Издательство «КРАСНАЯ ВЛАСТЬ»
Отпечатано в производственно-издательском предприятии «ШиП»,
681018, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Советская, 1.

«КРАСНАЯ ВЛАСТЬ» 1998

